

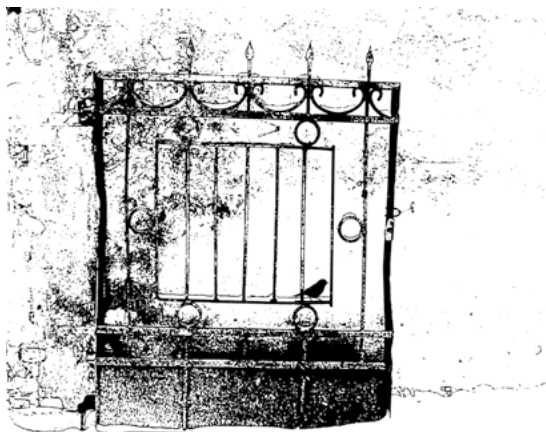
Алёна Рычкова-Закаблукoвская

ПТИЦА
СОРОКАЗИМ

ПЕРЕПЛЁТ

Алёна Рычкова-Закаблукoвская

ПТИЦА СОРОКАЗИМ

Иркутск
Издательская серия «Переплёт»
2019

ББК 84(2=411.2) 6-5
УДК 821.161.1
Р 93

Книга издана при поддержке
Союза российских писателей и Министерства культуры РФ

А. Рычкова-Закаблукоская.

Птица сороказим: книга стихотворений/ А. Рычкова-Закаблукоская – Иркутск; издательская серия "Переplet", Иркутское региональное представительство Союза российских писателей, 2019, 108 с.

Р 93 Книга стихотворений Алёны Рычковой-Закаблукоской это попытка философского переосмысления человеческой жизни: от начальной точки бытия – точки зарождения человеческого существа, до крайней точки – уплывающей по речной воде домовине. Мифологическая реальность прорывает неплотную ткань бытовой реальности и выносит на белый свет предметы, ощущения, воспоминания, которые формируют мир лирической героини.

ISBN 978-5-00133-100-1

© А. Рычкова-Закаблукоская, текст, 2019
© А. Мартынова, оформление, 2019
© Иркутское региональное представительство СРП

ГЛАВА 1

ДЕТСКИЕ КЛАДЫ

ЛОВИ МЕНЯ НА СЛОВЕ

лови меня на слове как рыбку на блесну
из множества любовей я выберу одну
и прикормлю с ладони одну из всех разлук
как отрастают корни так обрубает сук
на коврик прикроватный становится окно
и светлое невнятно и мудрое темно

МАГНИТ

Твои прекрасные родители
Покамест всяк в своей обители.
А мир неявленный, невидимый
Во все глаза на них глядит
И что-то там колдует нитями
Сквозь этажи и перекрытия.
Ответственный за все события
Уже возвращается магнит.

ДЕСЯТЫЙ АНГЕЛ

Какой по счёту ангел вострубил,
Десятые приканчивая сутки?
Мне для рожденья не хватало сил,
Как новобранцу на момент побудки.
Мне не хватало веса и тепла
От матери, бедою обелённой.
Она прозрачной девочкой плыла,
Она на мир глядела изумлённо,
Как маленький взъерошенный птенец.
И я птенец. И обе мы – две муки.
И что бы с нами.. кабы не отец.
Так древо жизни раскрывает руки –
Садись рядком, да говори ладком.
А между тем июнь в закат катился.
Гудел наш дом. Плескался самогон.
А как иначе – человек родился.

В ПОЙМЕ ИРКУТА

зависнешь в пойме иркута в закатной пойме
всё потому что жизнь проста живи и помни
что соли пуд как сто остуд студёна речка
что волны камушки сочтут не покалечат
а берег то полог то крут и воды млечны
ты точечкой отмечен тут вочеловечен

ОРЕХИ

Перебирая старый шкаф, кулёк прогорклого ореха
Находишь в нём. Был ледостав.
Был ледостав. Да вот – проехал
по приснопамятной реке...
Кулёк кедровых междометий.
Они как замершие дети
В моей руке.

О, Виноградарь, мой Виноградарь –
Души свеченье, свечение плоти.
Мой Виноградарь проходит садом
И исчезает на повороте.

Под куст бросала сухое племя,
Пыльцою плесени обелённое.
Лесных орешин тугое темя
Не сразу выстрелит в мир зелёный.
А вдруг да выстрелит самопалом?
А ты здесь сорные щиплешь травы,
А ты плывёшь и не веришь в чудо.
Что может быть проще – орехов груды
В осоте, в тлене.
Долой из плена природа бьётся осатанело –
Разрыв аорты и оболочек.
И, рты разинув, стоят росточки.
Кедрёныш малый он та же пальма
В микроскопическом эквиваленте –
На тонких ножках зонты Ла Палма.

Сорокалетней взираешь дурой
На этот выводок эмбриональный.
На их сошествие ниоткуда –
Из дали дольней из грёзы давней.
Сидят скорлупки а-ля береты
На их головках.
О, дети-дети...
Легко ли трудно существование,
Но озарение приходит с вами.
Уходит с вами.
И греет после.
И светит.
Светит.

***

Такой туман от Ангары,
Что кажется вокруг миры
Темно и страшно
Переплетаются клубясь.
И рвётся тоненькая связь
Со днём вчерашним.
А мой безропотный мирок
До основания продрог,
Утратил речь и,
В туман ныряя, как нырок,
Несёт в кармане номерок
Библиотечный.
Который ровно год назад
Без мысли задней,
Невинно так и невпопад,
Был мной украден.
И я, утапывая снег,
Верчу на пальце
Свой незатейный оберег.
Мерцают глянцем
Проёмы окон голубых.
Там свет потушен.
Как будто вынули из них
Живую душу.
Но вскорости откроют дверь.
Звоночек тренькнет.
И смолкою прольётся ель
На колыбельку.

СКОРЛУПКА

Носишь в себе нечто тонкое хрупкое,
Словно диковинную скорлупку
С пухом от пёрышка, с краю прилипшим.
Носишь – не дышишь.
Словно случайно содеяна кража –
Вымолвить страшно, выронить страшно.
Это теперь.
Ну, а тогда это было неважно.
Звонкая тень –
Мальчик соседский, смешной непоседа,
Скачет вприпрыжку за ве-ло-си-педом,
Оберегая меня от падения.
Сам себе выдумал это служение –
Шепчет, ладонь прижимая к груди:
Только, пожалуйста, не упади!
В чём же там держится свет и душонка?
Кудри до плеч, парусит рубашонка.
Я не любила его –
Мелкие эти кудряшки овечьи,
Словно пружинки колечко в колечко.
Дней золотое руно
Вдаль унесли корабли аргонавтов.
Велик отправили на переплавку.
И за окошком темно.
Только нечаянно звонко и хрупко
Сердце сожмётся яичной скорлупкой..
Нет. Отлегло.

КОНФУЦИЙ

начни себя искать найдёшь его
погашен свет и вяз стоит у двери
балконной
мутное стекло
приглушено
прозрачной шторой
кораблекрушений
здесь нет следа размеренное действо
в полупустом графине не вода
осколок детства
там нет меня но есть скелет в шкафу
на книжной полке что-то из конфу..
и фэнтези советского разлива
и красный конь гуляя вдоль обрыва
срывается
но держит на плаву

СПАРТА

производя расследование
случая летального
из самой дальней комнаты подсознания
вытащи упирающегося внутреннего ребёнка
подведи его к самой кромке
и толкни безжалостно
в ледяные воды марта
это мой милый спарта
азбука выживания
личная идентификация
самораспознавание
и когда он выберется на берег
хватаясь зябкими руками за прибрежные ветки
рассеки пополам свою грудную клетку
и помести его там в глубине дымящейся
маленького настоящего

СИНИЦА

я отпущу его гулять на нитке тонкой
и тихо буду наблюдать как за ребёнком
прольётся полная луна на дно колодца
всплеснёт вощёная струна и оборвётся
и полетит и полетит на волю птица
мною нераспознанный болид
моя синица

ПТИЦА СОРОКАЗИМ

Птицу сороказим как мне узнать в лицо?
Птица сороказим носит чужих птенцов.
Мимо гранитных скал,
Мимо сухих осин.
Птица сороказим, где мой пернатый сын?
«В царстве безликих снов
Чахнет неспелый хлеб.
Там, посреди лесов
В дом, что окошком слеп,
Бьюсь я крылом в ночи.
Здесь кукушонку зреть –
Пёрышки у печи
Чистить, в окно смотреть.
Помнить тебя едва...»
Дом порождает дым,
В меленке жернова
Воспроизводят хруст –
Песни сорока уст
Птицы сороказим.

ЧЕРДАК

Шорохи древоточцев слышит сквозь сон чердак.
Белых тенёт развесистые качели
Над слуховым оконцем. Сыплет трухой табак,
Листья его сомлели.
Крыша над головою пирамидальна и
Можно быть молоком и лезвием для заточки.
Старый забытый хлам по сундукам храним.
Дырочки от гвоздей в кровле сквозят отточиями.
Словно глаза глядят чёрных сучков зрачки.
Глиняное гнездо наспех склепала птица.
Кто-то повесил тут старые башмаки
Стоптанных детских лет,
Белый, как оселок, шероховатый свет.
Можно в него войти и заостриться.

ПОДПОЛ

саму себя никак не перепеть
подуешь лист намерится звенеть
что колокольчик под кошачьим лазом
условно есть но незаметен глазу
придуман с целью в общем-то простой
котёнок будет увлечён игрой
звнящий язычок тому причина
не испугает зверя паутина
крысиное шуршание в углу
есть пол и подпол
введена в игру
скользишь сначала по доске легонько
и в ямку бух
и звоном колокольным
тебя окликнет вотчина твоя
из пропасти зияющей земля
охватит душу холодом подземелья
подпольный дух картофеля и тленья
переплетение корней растений
с корнями дома в сонной глубине
поплачь сейчас пожалуйста по мне
а не потом когда вот там под домом
откроется таинственная дверца
и сердце вспомнит что оно лишь сердце
душа толкнётся в куполок пустой
и выйдет вон

туда где травостой
под снеговым зимует одеялом
и растворится
словно не бывала

КОГДА БОГ МАЛЕНЬКИЙ

Когда бог маленький, он носит валенки.
Копают палочкой в сырой проталинке,
А после топает (в руке коробочка)
К сухой завалинке кормить воробушков.
Глядит внимательно, глазами Бога –
Кого по матери... кому немного
Отсыплет радости. А нам, скорбящим,
Всё это кажется ненастоящим.
А бог не вредина (и в этом истина!),
Он недоеденных козявок выпустит,
Туда где мокрая земля кукожится –
Авось да выживут, авось размножатся.

ЗОЛОТОЙ КЮВЕТ

Самая что ни на есть трагедия,
самая что ни на есть беда –
Ехать на велосипеде в светлое никуда.
Можно сойти за полосу, лечь в золотой кювет.
Пробовать строчки голосом. Глядеть в просвет
Между стеблей придорожного папоротника орляка.
Думать о невозможном и добавлять: пока...
Встать, отряхнуть коленки, тёплый сорвать листок.
– Будет тебе и белка... будет тебе свисток.

УЛИТКА ВРЕМЕНИ

На нашем заливном лугу улитка времени в стогу
из рода ахатин.
Подвешен звонкий бубенец на влажный долгий рог.
По лугу ходит господин –
наш поселковый Бог.
Улитке дует на рога, и бубенец звенит.
Пространство скручивает луг в спиральный аммонит.
Там – в крайней точке бытия, где кончик заострён,
берём начало ты и я.
И тонкое дин-дон –
литовка под рукой отца звучит подобьем бубенца,
пространство распластав...
Я вижу свет его лица,
на цыпочки привстав.

НАД

если выйти в окно четвёртого этажа
под ногой качнётся лодочка/дирижабль/
плоскодонка/пёрышко/влажный бриз
ты себе за лодочку знай держись
отпусти окно карниз водосток
ты лети лети лепесток
над харлампиевской шпиль золотой
у харлампиевской лодочка постой
а по тихвинской щебень да песок
ты лети лети лепесток
погляди на чудо – сам господин
словно духом явленный сон
из глубин из сизых руин
выплывает кафедральный фантом
и волна выносит вверх (или вниз?)
так до самых триумфальных ворот
знай себе за бортик держись
бог не выдаст
значит – спасёт

НЕ СЫН

золото моего молчания
в гулкий горшок терракотовый
пусть он во время оно
выпадет из стены
и потекут монеты
и просочатся соты
медленных слов весомых
вынутый из глубин
глиняный красный голем
выйдет на свет и станет
пялиться верлиоко
где ты мой господин
ты же мне дал дыхание
глиняный гулкий кокон
я ли тебе не голем
я ли тебе не сын

ПЕСОЧНОЕ

Господь нас высадил в песочницу,
А сам, покамест мы в песке
Возились, всё писал подстрочники
На непонятном языке.
Пока мы разминали крылья,
Рука к руке вели пока
Эпические эскадрильи
Сквозь кучевые облака,
Господь пролил чернила. Лунные
Мерцали блики на столе.
А мы счастливые, бездумные,
Не ведали и даже не
Подозревали – утро раннее
Взойдёт, как светлый божий стих,
И выйдет с поля боя раненным
Один из нас, из нас троих.

ГОЛОГРАММА

у мальчика в руке стеклянный шарик
внутри голографическое нечто
никто нам ничего не обещает
никто и никого не покалечит
а девочку в хлопчатой бумазее
определяю на полочку в музее
в заштатном городке а-ля близ ницца
там есть пекарня старая больница
и от тоски так просто удавиться
под дудочку старинную клошара
когда б не сказки шарля
про жана и про девочку мари
конфетный садик пряничный чердак
о боже мой какой царит бардак
у каждого внутри

ВЕРТОГРАД

Лети моя душа ликующей букашкой.
Раскручивай серсо, разреживая мрак.
Я на скамейке жду вчерашнюю Наташку.
И не дождусь никак. И всё уже не так
Поехало-пошло и вывело куда-то.
По улице пылит и катится навстречь
Глубинная вода. Понуро и горбато
Идут плечо к плечу утратившие речь
Вчерашние друзья. Несут пунцовый гробик.
В нём сухонький, как жук,
опрятный человек.
Июньский день дрожит над белой дорогой.
Гляди моя душа не закрывая век.
Вчерашний балагур, отцовский друг Валера
Спелёнут, как дитя, плывёт, чему-то рад.
И широко пред ним распахивает двери
Небесный вертоград.
Небесный вертоград.

УСЫПАЛЬНИЦА СОБАК И ПТЕНЦОВ

У забора травы целят в лицо –
К детскимкладам путь надёжно закрыт.
Усыпальница собак и птенцов,
Прочих меньших и погасших планид –
Здесь же рядом. Поднимает лопух
Паруса непобедимых армад.
Белый ангел и отверженный дух
Вдохновенно в дебрях парят.
Божий день сквозит бутылочным дном.
Звон мушиный, лёгкий шорох крыла.
Кошка мордочкой суётся в окно.
Кошка та, что жизнь назад умерла.

МУК

посвящается бабушке Вере Николаевне

Время настанет – Бог
выпустит чашку твою из рук.
А пока ты маленький мук.
Ты лежишь – ни свет, ни звук
не затрагивают сознания.
Занавеска, стена, паук
выплетает сеть. Нет названия
у болезни. Белеет
над тобою мать твоя Пелагея:
– Ветка-веточка-черенок,
Соломинка-тросточка-лепесток.
Встань, проснись, пробудись скорее.

Гул по дому – шумят дядья,
Родной матушки братовья:
– Дай-ка мы её, сестрица, за ножки
Да головой об порожек.
Всё одно – не жиличка!
Чу, в оконце долбится птичка,
Половицу щупает лучик.
Мать отвечает:
– Не дам! Ей лучше!
А ты лежишь, чернея ртом.
Но Бог с божницы говорит: потом.
На всякий случай.

С ним не поспоришь.
Бог есть Бог.
К скамье у дома
Выходит мать, не чуя ног.
Слово её олово
В землю стекает разгорячённое.
Рядом, как птица, садится
женщина чёрная:
– Не спрошу ни питья, ни еды.
Допусти до своей беды,
Не пожалеешь.

В дом завела и не стала стеречь.
За занавеской странная речь –
Шёпот не шёпот, клёкот не клёкот.
Не разберёшь. Матушка щепоть
Робко подносит ко лбу.
Тянется время долгое, смутное.
Словно в дыму
лики сменяют личины.
«Печь моя печка – дома сердечко!
Забери печаль мою кручину,
завей в колечко.
Во имя Отца и Сына...»
Солнце скатилось за бугорок.
Переплывая высокий порог,
Странница тихо выводит слова:
– Жить будет долго.
Семьдесят два.

Вспомнишь ли после? Испуг на испуг.
Тёплые волны у ног, у рук...
Лодка качнулась от белой сосны.
Блик на иконе.
Личико светлое, капля росы
У розовеющих губ.
Светом закатным красится сруб.
Мчат твои кони.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

На старой фотографии скамейка.
Немилосердно день засвечен.
Фигуры исчезают в дымке млечной.
Но между тем момент увековечен.
Так старых одуванчиков семейка –
Подуй на них – и полетели дети.
Лишь ореолом света благодать
Над головами поднимает ветви.
И надо всем архангела печать.
О, таинство хранящая бумага.
Там дед и бабка в золотой пыли.
Там ждут тебя. И кажется – два шага,
Два взмаха до прощенья и любви.

ВОЛОСОК

всё думаешь и пинешь не о том
на языке горчит и взгляд туманный
по дому ходит маленькая мама
и время отбивает метроном
покуда ходит по одной доске
как морячок по шатким гулким сходням
висит мой мир на тонком волоске
на волоске отеческом
господнем

ЖИМОЛОСТЬ

вот и божьей милостью
поспевает жимолость на кусту
если крикнуть слышится за версту
дымный лён в бубенчиках
только тронь
голубые птенчики на ладонь
дунешь – душу вылуцишь
лепестки
бирюзовой россыпью да с руки
а за ними ахи-вздохи
помыслы да чаянья
скороспелы скоморохи
кораблики чайные
в чашке с выщербленным краем
золотые звонницы
в обитаемой покамест
горнице

КАЛАЧИ

Мама любит всякую ерунду.
Какую-нибудь там годецию.
Львиный зев считает венцом творения.
Переслащивает варенье
И недосаливает соления.
Мама не любит специи.
Блюда её просты и пресны.
Когда-то ей удавалось тесто –
Белые калачи,
Пористые и грузные,
Крученые, посыпанные мукою.
Она замораживала их на балконе.
Господи мой Иисусе,
До чего они были вкусными...

САД

И я затею убежать
Из опостылевшего сада,
А сад в смятенье и досаде
Мне станет ноги оплетать
Руками цепкими корней,
Вьюнов стальной канителью
Охватит зябкие колени.
По безысходности своей
Заплачет сумрачная птица,
Переходя на сиплый свист,
И в памяти воспрянут лица:
Вот я стою — отроковица,
Вот вальс играет гармонист.
Дед кружит статную соседку,
Скрипит начищенный сапог.
Когда бы память спрятать в клетку,
Под бабкин выцветший платок,
Как заводного попугая.
А лучше — пуговкой в карман.
Но без конца гармонь играет
И млечный стелется туман,
Сырой, трагический, извечный.
Так прорастает сад во мне
Начальной пристанью, конечной,
Несущей точкой на земле.

ГЛАВА 2

ЯНТАРИНЫ

ПИЖМА САРАЦИНСКАЯ

Сколько кликала – не докликалась.
А теперь вот, гляди-ко, дожили!
У калитки-то, у калитки-то!
Всё каликами перехожими
Поизгваздано, поистоптано.
– Возвращайтесь-ка вы назад!
В день вчерашний с пустыми окнами,
В запорошенный палисад.
Там под снегами дремлют ландыши,
Сарацинская пижма спит.
Там не наши-то вместе с нашими.
Ничего у них не болит...
Закурлыкаю, закурлыкаю –
Уподоблюсь вдруг журавлю.
Оплету тропу повиликою.
По велению по великому,
Предугаданно полюблю
Говорить – как дышать на пёрышко.
А быть может, и не дыша...
Так проклёвывается из зернышка
Не росток, но его душа.

БАБУШКИНО СЧАСТЬЕ

Как нашла бабушка под лавочкой образок-складень.
Это, говорит, деточка, к счастью, к счастью.
Погляди-тко! С одной стороны зеркальце.
Так бы век смотрелась. Да на ночь глядя
Не ходи во двор, девонька! Во дворе страшно –
Над трубой видны голубые искры.
Чьи же это душеньки плачут-пляшут?
Узелок возьму, да пойду в чистом.
На задворках дед распахал пашню.

ЯНТАРИНЫ

проживёшь век-другой
и станешь космополитом
вспоминая великий исход
из речи посполитой
припомнишь волны лазурные
и почему-то иону
гданьские янтари
с инклюзами почти иллюзорными
их тела фрагментарны и чёрны
дни кусочками спёкшейся глины
катятся обречённо
бабкины жаркие янтарины
огрузили плечи
крупный королёк
оправленный в серебро
лёг в ложбинку между грудей
окатные камешки польши и украины
в ожерельях её старинных
аз буки веда добро

СКАЗ О СВЯТОМ ОТЦЕ ВАСИЛИИ И ШАМАНЕ БУДАХЕ

По воспоминаниям мамы Натальи Яковлевны

На их стопах следов земного праха
Давно уж нет. В текучей вышине
Отец Василий и шаман Будаха
Наверно что-то знают обо мне...
Как с ночью день не сходятся – не слились
Дороги эти. Но скрипит в руках
Песок горячий улицы ковыльной
И снег солёный тает на губах.

Как солнечными зайцами облатан
Порожек чистый! Свет сквозит пылью.
Вот, опершись на посох суковатый,
Старик Василий всходит на крыльцо.
Смотрю тихонько – мама шайку вносит
И оmyвает старцу ключевой
Водою ноги. Видимые оси
Над дедом вьются. Воздух травяной
И божий дух нисходят в домик тесный.
В суме дорожной – снадобья, псалтырь.
О чём ему прольётся дождь небесный,
Когда один он выйдет на пустырь,
Просить о чадах? По молитвам этим
Мир до сих пор, должно быть, на столпах.
Мне кажется, душа моя согрета
В его сухих молитвенных руках.

Немее сердце детское от страха –
Под клёкот деревянных башмаков

Из дома в дом идёт шаман Будаха!
Незрелых душ известный птицелов.
Так матери пугали непокорных
Детей своих – воистину был страшен,
Как древний бог, в своих одеждах чёрных.
Через порог переступая важно,
Не говорит – перебирает чётки,
Прицокивая звонко языком:
– Послушай, Дуська, мне отдай девчонку.
Вскормлю её кобыльим молоком!
Гляди! Она, как чахлая лесина,
А на просвет, что хвощик полевой.
Но, вспомнив (про себя) Отца и Сына,
Глаголет Евдокия:– Бог с тобой!
То не твоя, Будахушка, забота.
Какая-никакая, да моя!
Шаман пьёт чай. А после за ворота
Несёт себя. И чаша бытия
Не иссякает. Бубну солнца биться
Над головой моею пуховой.
По-своему шаман в ночи молился
И духов гнал тугою бичевой.

Две схожие, несхожие страницы –
Дороги две, две нити, две судьбы.
На древе жизни порознь пели птицы,
И порознь их покоятся гробы,
Не знаю где... но возвращает силы
Мне вера в то, что там на небесах
Вдвоём они – босой отец Василий,
Будаха в деревянных башмаках.

***

Ангеле Божий, хранителю мой святой

А в тёмных сенцах светлый дух –
дед Зиновей вздохнёт столетне
и двоеперстием осветит
ребячье темя. Ловит слух
тишайший дедовский полёт,
И робко силится ручонка
дверей скрипучую клеёнку
найти впотьмах, а дед сожмёт
ладошку мягко: вот скоба!
Под указующей ладонью
скользнёт ладью по бездонью
неслышно дверь. За ней изба
исходит светом. Вязкий мрак
ужом сползёт на дно ушата.
Дед козырнёт молодцевато
и вознесётся на чердак.
И после, в суматохе дней
усвоив твёрдо: «всяк по вере...» –
так не одни откроешь двери
одной лишь верою своей.

ЯГОДНОЕ КАТОРЖАНСКОЕ

Подойдёшь к кусту с поклоном – он царь,
Безмятежен в самоцветах стоит,
Разорять его до смерти жаль.
Так что сердце потихоньку саднит.
Но взиграет каторжанская кровь,
В каждом здешнем она толику есть.
Потому, сколь славословь не славословь,
Словно липку отрясёшь его весь.
Поглядишь на дело рук своих: Ах!
Куст в исподнем, хоть на мушку бери.
Так душа его глядит из рубах –
Божий дух через прорехи сквозит.

ГОВОРИЛА ШЁПОТОМ

говорила шёпотом: господин, слава богу,
ты теперь не один...
за рукав брала заводила в дом
и часы в дому говорили – бом
смотрит господин словно сквозь и над
внутри вещей и внутри
голубых пространств
– оглядись пока
а сама назад тёмный палисад
тёмная скамья
теребит рука
белую листву в паутинных снах
ягоды черны и повсюду (ах)
бабочек тельца поисточены
хрупкие крыла
поиссушены
с тех телец пыльца
о-сы-па-ет-ся...
и стучат виски
тонкий звон в крови:
ягоды не рви...
я г о д ы
не рви

КРЕЧЕТ

Он говорит: ни вкуса, ни терпения...
А у меня и правда коврики с оленями,
Да на трюмо фарфоровые слоники.
По четырём углам молчат покойники –
Дом сторожат бессменно и бессонно.
А за стеклом белёсым законным
Зимой – снега, весной – чадит черёмуха.
Честной народ всё нехристи да олухи.
Но всяк судьбой по-своему отмечен:
Вот этот – кочет, а этот – кречет.

ИЮЛЬСКОЕ

Мой энтомолог спит

Должно быть грешники в аду
Вот так же плаваются в меду –
С утра восходит жар великий.
И полдень плавает клубникой.
Над ним каскад жуков и мух.
А дух! Какой струится дух!
Наш сад, какой там к ляду сад, –
Жужжит, кишит, шуршит. И взгляд
Повсюду ловит – жизнь + жизнь.
Садись. На ствол облокотись.
И стань трамплином для коровок
И муравьёв, и, в общем, всех.
Завидуй молча энтомолог –
Здесь изыскательских утех
Несметный кладезь. Благодать –
Так день гудит. Так вечер длится.
А после сядет на кровать
Бессонная ночная птица,
Чтоб гулко склёвывать с руки
Мерцание сухой зарницы.
И август бубенцом скатится
В июльские колосники.

ШАОЛИНЬ

Ты пришлый здесь. Стоишь с ведром
У деревенского колодца.
Мятежный дух первопроходца
Унять пытаешься с трудом.
В траве шальные муравьи
Снуют, готовы к обороне.
Ты враг. Ты идолопоклонник.
Ты изверг, черт тебя возьми.
Над головой простор и синь,
Но вряд ли ты имеешь право
Вторгаться со своим уставом
В их шаолиньский монастырь.

ОБОЛ

Все состояния женщины, моющей пол.
Цинковое ведро да грубая мешковина –
Вынь её с шумом. Выше колен подол
Подобран невинно –
Ты ещё девочка. Всплески воды – восторг
Непрерываемый – влаги живой прохлада.
Скачет по полу солнца литой обол.
Тянет из сада
Дымом сиреневым, горькою лебедой,
Диким пионом, жжёною древесиной.

– Сколько мне будет счастья, бог мой?
– Сколько ты попросила..

Времени половина
Мелкой монетой канет в пустой проём.
В узкой ладони комья промёрзшей глины.
Вот и четвёртые всходят сороковины.

Что улетело, то не воротишь вспять.
Снова в ведре воды ледяной дрожанье.
Кто научился умерших отпускать,
Тот и живых отпускает без содроганья.

РЯДНО

Надюше

На то он дьявольский расчёт,
Внушить: душа его калека...
Ты смотришь, смотришь в человека
И видишь, как река течёт.
Не задевая стоп твоих,
Шуга проносится и ветки.
О, Святой Боже, Святой крепкий,
Из двух всенепременных лих
Дозволишь ли избрать одно?
Нести его на край вселенной,
Как тайный ужас поколенный
И дней истлевшее рядно...

Дозволь мне малое ещё:
Покуда не смежила веки,
Увидеть свет Твой в человеке,
Пока река его течёт.

РАЗНОТРАВЬЕ

Я жну серпом куртины молочая
И высекаю сорную осоку.
Природа что-то чутко подмечает.
К её непогрешимости высокой
Склоняются опальные растения.
И надо мной колеблются их тени.
Непостижимо мира примиренье
С необходимым мне уничтожением.
Как будто я не травы эти режу,
А полосую собственную кожу.
Природа терпит, а потом сумеет
Спасти себя. Пусть пуст и обезвожен
Кусок земли ничтожный и бесправный,
Но дни спустя он вновь зазеленеет.
И гордое воспрянет разнотравье
Над болью обесцененной моею.

ЛЕСОГОРСКОЕ

В. Тюрину

На вокзале в старый поезд
Сядь. Опомнись за Чуной.
В Лесогорске звякнет морось
В колокольчик голубой
По кому-то. По кому-то?
По тебе ли? По тебе.
Вот и листья облетели.
Облетели. Облете...
Эта странная примета –
Полумрак ли, полусвет.
Бесприютен был поэта.
Для тебя других примет
Не придумала природа.
Не продлила на полдня.
Белый морок небосвода.
Лесосека. Западня.

ВРЕМЯ МАЛЕНЬКИХ БУДД

Время маленьких будд, созревающих тут,
Непременно приходит с дарами.
Вдоль примятой тропы шевеление груд,
Поспевания томное пламя.
Под навес уложи желтокожий отряд –
Обнажённые маковки лука.
Этот древний и скорбный семейный уклад,
Эта горькая бабья наука,
Тонкой складочкой лягут у бледного рта,
Острой линией врежутся в руку.
Отворяй погреба, как святые врата,
Засыпай свою смертную муку,
Словно на зиму хочешь избавить от пут
Эти хрупкие длинные ветви.
Август – время надежд, вызревающих будд,
Время душ, обретающих ветер.

ПРИЗЫВАЕТ ПТИЦУ И ГОВОРИТ

господь призывает птицу и говорит
ну здравствуй голубь-воробей-синица
пернатый мой индивид
дело твоё скорбное и безотлагательное
полезай в печную трубу надевай чёрное платье
как шагнёт молодая через порог
вылетай садись на поленницу гляди прямо в лоб
не в глаза а поверх бровей
слова не говори так больней
стало быть ясно всё без курлы
тятенька померли

***

В двенадцатом она у нас гостила...
Потом округу, помнится, косила,
Но начинала с нашего двора.
Когда б я знала, то копила силы –
У первых дроздов бы так не голосила
И слёзы для вторых приберегла.
Но были мне, ведь были эти знаки...
Глухие к изголовью никли сны,
И подвывали по ночам собаки,
И месяц плыл подобием блесны.
Беда приходит исподволь и скрыто –
Искрою малой, тлеющей соломой.
Три шалопа из энергосбыта
Спилили две берёзы возле дома.
Отец смотрел, как падали их кроны,
До середины сломанные косо.
А небо было розовым и чёрным
По краешку. Январские морозы,
Давая свой спасительный наркоз,
День ото дня крепчали и крепчали.
И до весны тела больных берёз
Из снега обезглавлено торчали...

ДРЕВО

Распахни своё чрево, древо.
Человечек – птица желна.
Притулится, да оперится –
проглаголет свой век сполна.
Распахни своё ложе-лоно.
Дух твой долог, да выйдет вон.
Поплывёт по воде зелёной
долгоносый челнок долблёный –
Домовины белёный чёлн.
Зиновею – по зимовею.
Евдокии – благоволить...
Несказанно по ним болею.
И за них продолжаю жить.

БУНКЕР

По потере кормильца
Дом приступает к посмертному прозябанию.
С виду всё то же здание – не высоко, не низко.
Синие птицы над ставнями.
Дом мнит
Себя обелиском.
В небо от основания первой ступенью – завалина,
Окна стремятся к карнизу, далее – долгая риза
Крыши железной.
Сурик облезлый местами вспыхивает ало.
Железо на крышу – презент генерала,
С течением времени утратившего имя своё и звание.
Лишь отзвук негромкий, отголосок самого раннего
Воспоминания.
Условно, листая страницы альбомов,
Дом не помнит имён. Он помнит лица.
Как и положено дому.
А лицам положено слиться
В плазму. Точнее – в массу.
Фон для единственного лица –
Отца моего отца.
Дому ни много ни мало, достаточно одного генерала,
Вернее – генералиссимуса.
Жаль, что длинноты их жизней
Разнятся – смерти дома не боятся.
Всё последующее существование заключается
В формировании подземного бункера.

Наземная часть отмирает. Жизни субстанция юркая
Перетекает в иные измерения,
Требующие пространственного разветвления
Вширь и вглубь.
Я вижу, как медленно сруб
Уходит в своё лукоморье сквозь луковый дух подполья.
Словно оболочка подпола лопнула
И разродилась анфиладой комнат
С тенями снулыми.
И мне, стоящей на первом подпольном уровне,
Нет доступа глубже и далее.
Я дщерь твоя, слышишь ли, дом мой?
Отчего же ты держишь меня у края,
Не пуская в уголки своего (моего) подсознания?
По мнению дома, «генеральская внучка» не звание.
«Так, ходячее недоразумение...»
Углубляясь подобно растению,
Дом задраивает подвалы
И ждёт своего генерала.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

*... вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи.
М. Цветаева*

Девятый день, как бабочка с куста.
Начну его с зелёного листа,
С благоуханья тополёвой почки.
Надели сливы белые сорочки
И приклонились к стенке гаража –
Колени узловатые дрожат.
Нет, это шмель в азарте опыления
Кружит, жужжит. Здесь удлиняет тени
Весенний день почти по-генуэзски.
В окне тихонько дрогнут занавески,
Да разойдутся тёмные пески.
И отразит две тоненьких руки –
Моих – немое зазеркалье.
Из комнатной бездонной глубины
Качнётся берег – мягок, осязаем.
И явится вдруг капелькой смолы
На выбеленных досках голубиных
Не абрис, но утерянное имя
Из позабытых мною детских снов...
Так безнадежность ищет и находит,
Размытую, разлитую в природе,
Потерянную некогда любовь.

ОСИНОВОЕ

Какой такой небесной манною
Оно просеялось в тот год,
Осиновое окаянное,
В наш допотопный огород?
Его людской недоброй славою
Отец решился пренебречь.
Теперь над нашею державою
Струится деревце двуглавое,
Ведёт, прищёптывая, речь.
Отцу видней с другого берега,
Как мы вот так с тобой сидим.
Опять осиновое дерево
Весенний возжигает дым –
Цыплячьим пухом кисти длинные
Из кровавых его телец.
В небесной выси под осиною
Господь пасёт своих овец.

ДОМ У СЕМИ ЗАПРУД

А завтра все умрут,
И никого не будет.
Дом у семи запруд,
Куда стекались люди,
Клён, согнутый в дугу
Над крышкой саркофага,
Достанутся врагу
Без родины и флага.
В крошечной темноте
У станции конечной
Застынет на черте
Монада человечья.
Утратившей язык
Немотствовать без срока
У сизых повилик,
У высохшей осоки.
Ушедшим в мир иной
Без права переписки –
Звездой жестяной
Над ржавым обелиском.

БЕЛАЯ ЕЛАНЬ

медные зубцы иного града
словно волн стремительный набег...
ничего мне от тебя не надо
беспокойный дальний человек
как живёшь слова на нитку нижешь
душу чем напityваешь всклянь...
чем темнее небо над парижем
тем светлее белая елань
у елани берега в тумане
рыба спит в заснеженной десне
семечком сосны на ближнем плане
женская фигура в полусне
отрясает белые ранеты
урожая яблок нынче ждёт
огородов зубьями воздеты
облака роняют в огород
белый пух распоротой периной
небо сходит в землю на ночлег
смерть не ищет для себя причины
только человека человек

СИЗИФ

Он жил не так, как нам хотелось всем.
Дни истончались хлопковой мережкой,
А он катил по узкой полосе
Тропинки допотопную тележку,
Что об одном помятом колесе.
Он тридцать лет возил на ней песок
На заболоченный участок.
Сизифов труд
Бездарным и напрасным
Казался мне. А ныне тут растут
Берёзы наши.

Он сам себе придумывал работу:
Вставать чуть свет, вернее – до восхода,
Литовку взять, в предутреннюю хмарь
Идти в росу, пока гудит комар
И розов край тутого небосвода.
Срезать, срезать звенящую траву
И в эту землю прорасти ногами,
Сминая дёрн литыми сапогами.
И никому не возводить в вину
Свою судьбу.

Не верить в бога и в загробный мир,
«Есть скорбь и тлен, червей могильных пир», –
Он говорил. И улыбался тихо.
А нынче вот приснился. Как он лихо
Свою тележку по тропе катил!

Как глаз белки покойницы блестели.
Рубашка на его тщедушном теле
Сама собой торжественно плыла.
И вот тогда во сне я поняла,
Что до сих пор он увлечён неверьем.
И даже там, за сумрачною дверью,
Он линию свою упрямо гнёт.
В тележке возит траурную землю
И никого за это не клянёт.

КОРЕНЬ

Что вы, говорю, стоите мёртвые на пути?
Не проехать конному, пешему не пройти.
Я ли не складывала вам руки на груди?
Пятаки не прикладывала к глазам?
Так какого ляда еси
От меня ещё надобно вам?
Как малина гнётся в саду,
Припадает тяжестью всей,
Так и я поклоны кладу,
Поклоняюсь вам вместе с ней.
Мой пречистый праведный полк,
Щит и меч, литая броня,
Не проскочетмышь, серый волк
Без нужды не тронет меня.
Отправляйтесь к белой реке.
За рекой свежеструганный сруб.
Без земных забот, налегке
Упокойтесь, милые, тут.
По числу знакомых примет –
Тело к телу, губы к губам –
По родству и выберу свет
И по вере выстрою храм.
Зарастёт и рана и скол –
Корень мой от корня раки.
Даже если вырубить ствол,
Племя всё равно устоит.

СНИТСЯ СТРАННОЕ

Снится странное: кто-то болен.
Навещать идёшь с узелком.
У разрушенной колокольни
Баба старая с молоком
И коза с бубенцом на шее.
А потом вдруг вода-вода.
Рыбаки тянут, тянут невод.
Невода вокруг, невода.

И не выпутаться, не скрыться.
Здесь, куда не уткнётся взор,
Белокаменная больница,
Над полынью забор-забор.
Флигелёчек. Телам в нём тесно..
В санитарской руке свеча –
То ли лампа Николы Теслы,
То ли лампочка Ильича.

Не хватает ни сил, ни веры.
Онемеешь душой. И ртом
Ловишь воздух, как красноперый
Окунь, выплеснутый в ведро.
Но приходит тот самый близкий
И берётся под локоток –
Мимо гипсовых обелисков
Переправить через порог.

Отведёт. Отпустить не хочет.
Оттолкнёт и летишь – изгой.
В лодке ждёт тебя перевозчик,
Крутит крепкою головой.
Признаёшь в нём соседа Витьку,
Убиенного невзначай...
Палисадник скрипит калиткой.
Отступает вода за край.

ГЛАВА 3

РЕКА

РЕКА

имя твое — льдинка на языке...

М. Цветаева

в каждой алёне тайная спит елена...
но имя твоё вслух я не назову
именно им буду взята из плена
именно с ним буду идти ко дну
имя твоё пригоршня горького снега
камень окатный и тонкое остриё
полый тростник звенящий
над рябью пегой
имя твоё

УТРЕННИЙ СВЕТ

утренний свет на предметах – печать скоротечности
бок в червоточинах слива на блюде
можно писать стихи с посвящением
ребёнку ли женщине
иные и так обойдутся
а того единственного вымучить до донца
молчанием
до тихого скрипа зубовного
до пустой колокольной звонницы
и саму себя...
головой качая:
полно тебе
полно те...

ОЙКУМЕНА

сны мои необитаемы
то ещё испытание
что же ты ищешь странник мой
странноприимный дом есть на соседней площади
я научу как проще за этим домом рощица
в лилиях водоём
там на мостках прогретых солнцем
промытых ливнем
выбеленное льняное сушится полотно
хлюпает влага гулко в старой корзине булка
нож с костяною ручкой сыр и кувшин с вином
вьётся лоза по стенам чем те не ойкумена
вот же оно пристанище родина и оплот
в снах же необитаемых
странников неприкаянных
смутно опознаваемых
больше никто не ждёт

***

Осенний день сентябрьского замеса,
Где я стою у самой кромки леса,
А некто там, на дальнем берегу, –
Я разглядеть и вспомнить не могу.
С волос сползает пластиковый крабик,
И рыболовный мается кораблик,
И дальше доносится ку-ку.
Кому оно относится не ясно –
Не то короче стал вдруг день ненастный,
Не то фигура в пойменном лугу
Слилась с пейзажем, растворилась в сущем...
От корабельных балок, высь несущих,
Небесный парус переходит в синь.
Так тень у кромки закипает гуще,
И, ощущая страх за всех живущих,
Синичье откликается «аминь».

***

В каком-то незапамятном году
Был снегопад такой же. Не касаясь,
Гляжу на ветки. В почках дремлет завязь.
Когда вот так по улице иду
Я ни на шаг к тебе не приближаюсь.
Не отдаляюсь, впрочем, ни на шаг.
Пусть будет так. Вот дом – живые стены.
А по стенам не трещины, но вены.
Как светлый полог, отделяя мрак,
Снег опадает рыхлый белопенный.
И клён стоит коленопреклоненный,
Спины своей не выпрямит никак.

ПАТРИЦИАЛЬНОЕ

вези меня китайская арба
по улочкам заснеженной провинции
тряси во мне упрямого раба
не сотрясая гордого патриция
сквозь пелену привидится ему
стекло реки глазковское предместье
и если где-то существует крит
то это в параллельной фотосессии
узбекский мальчик не сочти за труд
уйми динамик
царственный и бледный
патриций принял холода цикут
и дремлет

ЭТЮД НА ТЕМУ СЛОМАННОГО ЦВЕТОНОСА

неси меня нисколько не жалея
по холоду январскому неси
я цветонос тигровой стангопеи
какого ляда надо на руси
моим корням в сырой оранжерее
деревеня весь недавний срок
неси меня я ветка стангопеи
я золотой пробившийся росток
сквозь прель и сумрак торфяного днища
проникли стрелы улица бела
неси до новогоднего кострища
дыши в раструб пустого рукава

НЫРОК

Прошло немало дней, а я всё помню это.
Осеннее стекло студёной Ангары.
Октябрьский сонный день на берег, за Мегет,
Нас выманил. Затем доверчиво дары
Вручил. Но тишины, что ждали мы, в помине
Там не было. То птиц, то ветра говорок.

С удилищем в руках шагая по стремнине,
Ты увидал вдали кочующий комок –
Невнятное пятно форсировало реку,
И вопреки волнам несло себя, несло.
И вот оно у ног большого человека.
Тихонько подхватив под хрупкое крыло,
Ты разглядел его – опознанный утёнок
В руках твоих дрожал и лапкой молотил.

Забавный дух борьбы владел им и силёнок,
Должно быть, придавал – в руке, как по реке,
Он плыл. И плыл. И плыл!
Но вскоре взгляд померк – утиное сознание
Разумный птичий бог, как огонёк, задул.
Отколотый волной осколок мирозданья
За пазухой моей согрелся и уснул.

Смирившись с тем, что мух
Мне добывать придётся
И, может быть, искать приёмную семью,
Я вспоминала всех, кто склонен к утководству.
И вскоре для себя решила – полюблю...

Малыш меж тем ожил и овладел собою,
И осознал тепло чужих ненужных рук –
Так в бусинах зрачков весь план его неволи,
Определённый мной, отобразился вдруг.
Тут в птице занялась сердитая тревога:
– Пусти меня! Пусти! Издохну сей же час!
Настойчивый птенец с проворством скомороха
Из пальцев ускользал, испытывая нас.
И не хотел руки:
– Пусти меня! Пусти! Мне плохо! Плохо! Плохо!
Так мы, боясь свернуть утёнку позвонки,
Снесли его к воде. Он одержал победу.
О, как он гордо плыл! Как радостно спешил!
Как рассекал волну стремительной торпедой.
Как в этот краткий миг он бесконечно жил.

Сентиментальной мне до слёз – одно мгновенье.
И вот уже в глазах стоит их терпкий дым.
Но не было и нет и капли сожаленья,
Но – тихая печаль и восхищенье им,
Отважным храбрецом, не знающим сомненья.
Пускай его сожрёт скучающий налим,
Летающая на писк прожорливая птица
Или двуногий зверь с крестом иль без креста...

Ты спросишь, для чего я ворошу страницы?
Я думаю о том, что истина проста:
Нам каждому – свой путь неведомый и странный
Отмерен и открыт. И каждому свой срок.
И потому летит к проточине туманной
Душа моя – птенец, душа моя – нырок.

***

Вот сонный вол дождю подставил спину.
Здесь тёплый пар и запах перстяной
Вращают мир, как тяжкую турбину.
Иди за мной, пожалуйста, за мной.
Рога воловьи поднимают остов
Небесной кручи. Тянется слюна
С губ травяных. И выбивают кросна
Свинцовый шаг. Толкнув качельку сна,
Сквозь тёмный сад, подрагивая шкурой,
Сквозь мрак полночный, морок земляной,
Неси меня упрямо и понуро
К туманной полосе береговой.

ПРОСТУДНОЕ

кажется мы могли бы существовать как рыбы
замысловатый вирус вызвал прекрасный глюк
или так: кривле-крабле и я стою в скафандре
на затонувшей палубе не поднимая рук
кто-то отдал швартовый кто-то хватил тут лишенька
я же засланец верхнего мира (подай клешню)
медное трёхболтовое на голове излишество
тянет ко дну а выплывешь в комнату в стиле ню
жалкое несуразное странное бесхребетное
с еле прикрытой попою худшая из европ
старый диван скрипучий каждому чиху всхлипывает
словно зевес обманутый и уплывает
стоп
не голова аквариум воздух шумит компрессорный
и не хватает сенсорной не прикасайся нет
свет заглушённый шторою не проникает к выжившим
выжившим полагается мята лимон и плед

***

Здесь расширяется пространство...
Так на картинах малых голландцев
Комнаты перетекают во дворик,
Дворик перетекает в сад.
Обрамление картин
Безошибочно и неброско.

Выполосканные добела
Корабельные доски
Прекрасный материал для заключения
Пейзажей и тонких натюрмортов.
С неперменным вовлечением
В них отсутствующего человека.
Иногда его присутствие грубо,
Иногда невинно.

Чернильница с пером гусиным,
Надкушенный пирог черничный,
Бокал, скатерть цвета больничного
С неопрятным пятном винным.
И неизменный лимон с кожицей
Надрезанной серпантинно –
Редкостный плод эпохи
Перекачивается из картины в картину,
Множится.

Сквозь запах пыли цитрусовый дух
Горчит. И то горчит, о чём я вслух
Говорить не буду,
Пока не узнаю, что внутри этой посуды,
Этого зеркала настенного.
Постепенно.

Так из ларца вынимают
Вещь за вещью – парчу и ветошь,
Сосуществующие равно во времени.

В час, когда я постигну,
Задержи меня на пороге.
Поцелуй в темя
В знак нашей избранности невольной.
Нашего совпадения.

ЭКОРШЕ

Всё предугадано уже.
От рождества до смертных колик.
В окне безмолвный экорше
Взирает на закатный дворик.
Там местный дворник скрип да скрип –
Снега кромсает на полоски.
Там свиристель свистеть охрип
И цвета чайных ополосков
Темнеет даль. На этаже
Тишает звук. Здесь полусумрак.
Висит охотничий подсумок
И пара уток. Ты мишень.
И по-другому быть не может.
Ты плод с ободранною кожей.
Ты бессловесный экорше.
Всё ждёшь, когда последний свет
Захлопнет розовые дверки.
И яблоко на этажерке
Утратит цвет.

***

налетает внезапный северный
треплет цвет худосочный
в этот миг повязывая девочке косынку
(личико её как опал молочный)
видишь не дитя но девушку Вермеера
вот она выпрямила спинку
и обернулась на краю песочницы
красота явление временное
переходящее
из прошлого в настоящее
и сейчас перед тобою малая её толика
капля ли крошка...
взгляд ребёнка – оклик с другого берега
и мочка уха её отблескивает
жемчужною серёжкой

СЛОВНО ПТИЦА

Она сидела, словно птица, на сгибе его локтя,
Медноокая девочка в берете пажеском.
Истончались августы. Лакомым соком
Исходили яблоки. Светлые бражники,
Как листва кружились над летом утлым,
Над упавшими маттиолами.
Годовалая дива смотрела мудро
И пальчиками фарфоровыми
Теребила шёлковое шитьё.
Я глядела вслед ему без укора и
Думала: не я родила её...

ВОТ ЖЕНЩИНА

вот женщина взыскующая свет
зачем она обманная тебе
уста её сухи горьки полынные
она ступает босо в октябре
по волглым половицам и воде
добра и зла не помнит
помнит сына...
твоих имён бесчисленную вязь
легко воспроизводит
не клянясь не поклоняясь
на едином вздохе:
мир дому твоему высокий князь
нет не долга твоя над нею власть –
пока дрожит звезда в чертополохе

***

Ирине

библейские пески прославленный ольхон
в полнеба облака – паломники печали
дороги полотно взбирается на склон
а позади вода и горький оклик чаек
здесь скудная трава колеблется как сон
а зной чадит-чадит распахивая крылья
над выжженной землёй трубит иерихон
и накрывает пыль епитрахилью
иди мой друг иди за радугой вдали
за облацем за тем...
белей снегов и млека
библейской сарой я врастаю в ковыли
а ты беги-беги весёлая ревека

ЛИЛИТ

Я там, где девочка бежит, размахивая древком,
В косынке красной набекрень отважная Лилит.
Я там, где розовый самшит нанизывает Евка
На тонкую тугую нить. И тень её дрожит.
Как терракотовый огонь, земля ещё пустынна,
Не ждёт упавшего зерна и пролитой воды.
О, есть ли в том моя вина? Я позабыла имя
На перекрёстке двух начал, двух первобытных линий...
В молочной заводи кипит багряный цвет руды.

*

води води меня по краю как будто то не я – другая
та что внутри меня сидит – лилит я говорит лилит
где не затронешь там болит и день и ночь теряет древо
листву
кору сдирает ева для поддержанья очага...
скрипит тренога и слова слетают с уст
как листьев шёпот
и по котлу сползает копоть и капли падают шипя
она твердит: люблю тебя
води води меня по краю пока другую запираю
в безмолвном чреве
чёрный ключ
в очаг

***

В.А. Диксону

не араратские оливы осины дымные и тонкие
спроси была ли я счастливой бредя по кромке
здесь между замыслом и вымыслом
студёны воды
ношу тебя никак не вынесу
и эти роды
мне бесконечной мукой адовой
сковали душу
и мира нет и нету лада
вертеп пастуший
семи ветрам открыт и выстужен
семью ветрами
но теплится карминным листиком
в лампаде пламя

СУЛАМИФЬ

Если бы он приснился с крыльями за плечами,
почитала бы его ангелом вочеловечшимся.
А он явился в чёрном, как мир в начале.
Едва расслышала его дыхание,
биение сердечное.
Словно между нами пелена белая
Словно он не мужчина, а дева
непорочная в молчании.
Только серебро на висках, да чёткие очертания
скул высоких, упрямого рта...
«Господи, отвори свои врата! Затвори врата»
Но Господь усмехается нам с неба,
осыпая зерном медным
и тонкими соцветиями
лиловыми и цвета беж.
Положи, говорит, его промеж
грудей твоих, как веточку чабреца.
Гляди в глаза, воду пей с лица.
Потому, как доселе была ты незрячею.
И не спрашивай – за что?
Но – для чего...

РЕКА

Как они так живут, никто не знает.
Пожимают плечами люди: вот, мол, два дурака.
А у них река через дом протекает.
Понимаете ли – Река!
И о чём бы там ни твердили судьи,
У реки свои потайные смыслы –
Где убудет одно, там другое прибудет.
Русло выпятив коромыслом,
То ребёночка в дом заносит,
То выносит дощатый гроб.
И о чём у ней ни попросят –
Норовит козь не в глаз, так в лоб.
Колыханья всё да коханья.
Рыбный омут – тоска взахлёб,
Занавесочка в детской спальне,
Столик беленький пеленальный...
Соглядатай сам и холоп,
При реке, как при мамке родной,
Он налаживает уду
На ленка. А она у брода
Всё дудит да дудит в дуду:
– Не позвать ли, мой свет, шамана?
Пусть он за стену перенесёт
Эту реку.
С Хамар-Дабана
Ветры дуют, шуга плывет

И раскачиваются снасти
На малюсеньком островке.
– Что ты, душенька, наше счастье
На Реке.

КОЛОКОЛЬНЯ

что от того что станешь ближе
не ради красного словца
ну замени же замени же
мне мужа брата и отца
ну отшатнись на откровенность
беги за тридевять земель
а дом твой что а дом твой стены
по безысходности твоей
а я кирпичик на кирпичик
уже от пола до колен
как колокольно возвеличен
мною этот плен
как он торжественно спокоен
безмолвен как
до неба с этой колокольни
всего лишь шаг

МЕККА

я паломница в твою мекку
полю вброд а потом за край
говорят ты должна этому странному человеку
отдай
семь пудов пресловутой соли
золотое с плеча руно
говорят
он живёт без боли
стало быть не живёт давно

***

К твоему приезду я куплю платье цвета бордо.
Цвета винных листьев девичьего винограда.
Мудрое октябрьское солнце, сонный его желток
В чаше лиловой неба. Падать ему не надо.
Просто кати-кати лаковые бока
Над золотой тропой, над задубевшим спóрышем.
Ты не поверишь, нет. Ты присмотришься пока.
И разглядишь внутри тела его зародыш.

ПРО СИНДБАДА

пушинка почтальон нечаянный посланец
проявленный мой бог неясный белый дух
меж двух полынных крон свершая тихий танец
в ладонь легко легла пером печальной Рух
наивно полагать но хочется представить
что между ними есть ближайшее родство
вот птичья тень скользит в окладах светлых ставен
и облачный фантом садится на крыльцо
что нам от птицы Рух пушинка лишь не боле
а ей таскать слонов кормить своих птенцов
Синдбад мой нем и тих в кораблике ладони
приносит лёгкий пух
светло его лицо

МЯКИШ

всё теряется однажды и находится однажды
и теперь уже не важно кем ты был и кем ты стал
ты заходишь в скорый поезд словно в дом многоэтажный
остаются на причале главпочтамт сбербанк вокзал
ты теперь почтовый голубь каторжанская порода
белый войлок небосвода солнца плоска и т.д.
вот она твоя удача вот она твоя свобода
так натягивает корду славный путь ВСЖД
ничего-то ты не знаешь просветлён и обезличен
словно в скорлупе яичной здесь в заснеженной глуши
я возьму тебя в ладони и по имени окликну
прилеплю как мякиш хлебный к полой дудочке души

ВОРОБЬИНОЕ

У любви, как у пташки, зёрна
Никогда не бывают лишними.
То возносит тебя над кронами,
То охватывает жалостью материнской.
И ты варишь ему каши без пенок,
Убирая ненавистные плёнки.
Смотришь на его коленки
И видишь ребёнка,
Некогда кравшего вишни.
Сожалеешь, что не присыпала
Ободранные ладони стрептоцидом,
Не укладывала спать с мишкой.
Воробьиных вихров не целовала
И не видела слёз.
Потому как слёзы постыдны
Для такого (любого) мальчишки.

МАЛЬЧИКИ

В каждом из этих мальчиков,
трёхлетних-лощёных-сладких,
Различаю твой голос, твои повадки.
Хрупкое сочетание будущей силы
и нынешней слабости.
В каждом твоё отражение. Твоя самость.
Естество моё бережение-гордость-радость.
Солоны их макушки, млечные ушки. Пряны
Переносицы и тонкие шейки.
Это не их я пестую-поднимаю-над-собой-лелею.
Это я тебя – маленького – колыбелю.
Выращиваю из зерна
На все мои времена.
За всех забытых-недолюбленных-упавших
В межу пустую тугую пашню.
За всякий срезанный да в землю вжатый
Незрелый колос – тебя стяжать мне.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Гале

говорит: обожаю там каждое слово и нюансы –
как он смотрит на неё, как трогает сына...
это море и старик с собакой, дождь – всё-всё –
для меня (пейзаж и прочее) идеальная картина
жизни... я гляжу в её глаза через расстояние,
глажу кошку и думаю, как тонко
всё устроено в мире... ракушкой в иле
солнце, закатная кромка...
след на песке пунктирен

ЦЕРКВУШКА У ВОКЗАЛА

Ищи меня, мой друг, как я тебя искала.
Бери меня на звук, на слово, на испуг.
Есть в городе моём церквушка у вокзала,
Там певчие звенят. Не покладая рук,
Господь вершит дела людские понемногу.
И семь последних дней земля белым-бела.
Ищи меня, мой друг, пока ещё дорогу
Судьба не замела. Судьба не замела.

РЕПЕЙНИК

говорить об этом явлении
так же странно как и молчать
в области сердца взошёл репейник
богом посланная благодать
что вымаливала вымаливала
отмолила за столько лет
вот и он родился маленький
ты выносишь его на свет
и глядишь на его перепонки
межпальцевые
в глаза космические
беззрачковые с мембраной тонкой
цвета пепла вулканического
вот такое оно диковинное
говоришь ему ну прости меня
не признала тебя любовь моя
ни по облику ни по имени

ПЕСЧИНКА

да будет свет который будет нить
и по нему нам плыть с тобой и плыть
на ивовом листе сухой былинке
в сандалиии закатная песчинка
от белых глин у дома твоего
она почти не значит ничего
и дом не дом и разговор поник
и только где-то бродит твой двойник
и перочинным ножиком скребёт
пустой надежды ноздреватый лёд
под ним блукают царственный пескарь
с икринкой в брюхе горькая царица
когда бы слово вздумало родиться
перегорела б ночи киноварь
и к утру просветлели наши лица

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. Детские клады

Лови меня на слове.....	5
Магнит.....	6
Десятый ангел.....	7
В пойме Иркуты.....	8
Орехи.....	9
«Такой туман от Ангары...».....	11
Скорлупка.....	12
Конфуций.....	13
Спарта.....	14
Синица.....	15
Птица сороказим.....	16
Чердак.....	17
Подпол.....	18
Когда бог маленький.....	20
Золотой кювет.....	21
Улитка времени.....	22
Над.....	23
Не сын.....	24
Песочное.....	25
Голограмма.....	26
Вертоград.....	27
Усыпальница собак и птенцов.....	28
Мук.....	29
Старая фотография.....	32
Волосок.....	33
Жимолость.....	34
Калачи.....	35
Сад.....	36

ГЛАВА 2. Янтарины

Пижма сарацинская.....	39
Бабушкино счастье.....	40
Янтарины.....	41
Сказ о святом отце Василии и шамане Будахе.....	42
«А в тёмных сенцах светлый дух...».....	44
Ягодное каторжанское.....	45
Говорила шепотом.....	46
Кречет.....	47
Июльское.....	48
Шаолинь.....	49
Обол.....	50
Рядно.....	51
Разнотравье.....	52
Лесогорское.....	53
Время маленьких будд.....	54
Призывает птицу и говорит.....	55
«В двенадцатом она у нас гостила...».....	56
Древо.....	57
Бункер.....	58
Девятый день.....	60
Осиновое.....	61
Дом у семи запруд.....	62
Белая елань.....	63
Сизиф.....	64
Корень.....	66
Снится странное.....	67

ГЛАВА 3. Река

Река.....	71
Утренний свет.....	72
Ойкумена.....	73
«Осенний день сентябрьского замеса...».....	74
«В каком-то незапамятном году...».....	75

Патрициальное.....	76
Этюд на тему сломанного цветоноса.....	77
Нырок.....	78
«Вот сонный вол дождю подставил спину...».....	80
Простудное.....	81
«Здесь расширяется пространство...».....	82
Экорше.....	84
«Налетает внезапный северный...».....	85
Словно птица.....	86
Вот женщина.....	87
«библейские пески прославленный ольхон...».....	88
Лилит.....	89
«не араратские оливы...».....	90
Суламифь.	91
Река.....	92
Колокольня.....	94
Мекка.....	95
«К твоему приезду...».....	96
Про Синдбада.....	97
Мякиш.....	98
Воробьиное.....	99
Мальчики.....	100
Мужчина и женщина.....	101
Церквушка у вокзала.....	102
Репейник.....	103
Песчинка.....	104

Алёна Рычкова-Закаблуковская

ПТИЦА СОРОКАЗИМ

16+

Редактор С. Михеева

Корректор А. Морс

Верстка и оформление А. Мартынова

Издательская серия «Переplёт»
Иркутского регионального представительства
Союза российских писателей

ПОЭТЫ **ГОРОДЕ**

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура CentSchbkCyrill BT.

Усл. печ. л 13,6. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Репроцентр А1»

Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2.

www.printrepro.ru

Алёна Рычкова- Закаблуковская

Родилась в селе Баклаши
Иркутской области в 1973 г.
Окончила САПЭУ.

Книга «В богородский сад»
выпущена в Иркутске в 2015 году.
Публиковалась в «Рижском альманахе»,
альманахах «Дерибасовская-Ришельевская»,
«Плавучий мост», «Паровоз», «Глагол»,
«Байкал» и других.

Дипломант международного поэтического
интернет-конкурса «Эмигрантская лира»,
международного литературного конкурса
«Чемпионат Балтии по русской поэзии».